

Наталья Бардина

СМЕХ И СЛЕЗЫ НЕДОПОНИМАНИЯ

Смех – это особая реакция человека, которая тесно связана с социальной коммуникацией и демонстрирует одновременно примирение и агрессию. На такую двойственность смеха указывает даже мимический компонент: обнажающиеся зубы, громкий кашель и хрип, резкие движения грудной клетки и пр. Генетически смех возник как сигнал, что человеку следует «прекратить свою деятельность ввиду того, что она опасна, бессмысленна, нелепа или в какой-то мере запретна» [5, с. 300]. На амбивалентность смеха указывает, в частности, и тот факт, что в некоторых странах Африки это показатель изумления или даже замешательства, а вовсе не проявление веселья [6], в словацком языке понятия “смешной” и “мучительный” передаются одним словом *trarpz*. Да и в русской этнокультуре смех далеко не всегда связан с радостью. Радость при порождении высказывания передается улыбкой, особым высоким тональным регистром, но не смехом.

И смех, и слезы в реальном сегодняшнем общении – это показатель конфликта сознания, сбой в информационно-эмоциональном пространстве личности. Функционально они равнозначны и различаются только ракурсом восприятия одной и той же ситуации отстранения от абсурда, конфуза, неловкости, несчастья: человек нередко смеется над чужими ошибками, неудачами (вспомним традиционные комедии, в которых герой постоянно падает, на него выливают воду, высыпают мусор и т. д.).

Смех в данном случае дистанцирует наблюдателя от события, выравнивает переживание дисгармонии мира.

Человек по сути своей ограничен и радостно-спокоен в состоянии симпатии (напомним, что в переводе с греческого это сострадание) к самому себе и/или к другому. Симпатия, сосредоточенная на самой личности, приводит к психологической или физической самоизоляции, симпатия к другому требует затраты интеллектуальных и эмоциональных сил. И то и другое – два полюса ориентации сознания в диалоге. Один из них ведет к полному пониманию другого, другой – результат полного непонимания.

В принципе, все наше общение протекает где-то посередине на непрерывной шкале «полное понимание – полное непонимание». Полное понимание – недостижимое счастье, основанное на совпадении психофизиологических, когнитивных, социальных и речевых структур двух личностей, и в этом смысле, по мнению В. Демьянкова, сродни любви [2]. Понимание, как и любовь, в конечном итоге, находятся в области иррационального. Полное непонимание возможно только при

фактическом отсутствии коммуникации, это психологический «уход», выключенность сознания одного из коммуникантов в какой-либо момент общения.

Таким образом типичное состояние говорящих в беседе – взаимное (или одностороннее) недопонимание, острота переживания которого приводит к смеху или слезам.

Недопонимание можно определить как невыполненность того или иного стандартного предписания, т. е. несоответствие эпизода общения социально значимым ожиданиям, которые формируются степенью языковой компетентности коммуникантов; «моделью внутреннего мира» говорящего, строимой слушающим из привычных ему самому образов, представлений, штампов; общей смысловой структурой ситуации [Ibid.].

Сбой в любом из модулей, обеспечивающих понимание, порождает эмоционально-когнитивный конфликт. Наше сознание противится непоследовательности, нарушениям здравого смысла, которые мы часто обнаруживаем в речи других, так как «мир другого» имеет иные когнитивные схемы, часто не совпадающие с нашими. «Когнитивные цензоры» предостерегают человека от опасных для мышления ситуаций, говорят, «где нужно остановиться и... рассмеяться» [5, с. 285]. Ведущей при выборе того, в какой форме будет разрешаться назревающий конфликт сознания (смех или слезы), оказывается тональность общения – конфронтативная или толерантная, оценка своего статуса по отношению к собеседнику, степень близости сознания коммуникантов к одному из полюсов («любовь–уход»). При этом недопонимание целей высказывания порождает амбивалентность диалога; «слезы» автора и смех реципиента.

Так, непонятый говорящий может переживать трагизм своего несоответствия ситуации, но доброжелательно настроенные слушатели будут смеяться, увидев в этом намеренное желание в своей речи исказить реальность, чтобы вызвать смех. Подобный случай описан Л. Пастернаком в романе «Доктор Живаго»: «... он плохо слышал, что говорилось кругом, и отвечал невпопад. Он видел проявления общей любви к нему, но не мог отогнать печали, от которой был сам не свой. И вот он сказал: Спасибо, спасибо. Я вижу ваши чувства. Я их не заслуживаю. Но не надо любить так запашливо и торопливо, как бы из страха, не пришлось бы потом полюбить еще сильнее».

Все захохотали и захлопали, приняв это за сознательную остроту, а он не знал, куда деваться от чувства нависшего несчастья, от сознания своей невластности в будущем, несмотря на всю свою жажду добра и способность к счастью» [6, с. 181].

Антитеза «счастье, понимание, управляемость будущим – несчастье, недопонимание, печаль и смех» отражает общий смысл данной

ситуации, типичной для коммуникативного кризиса сознания.

Смех действует отвлекающе и удерживает мысль от дальнейшего продвижения. «Прерывание рассуждения необходимо для того, чтобы человек не вздумал рассматривать эту мысль серьезно, то есть действовать в соответствии с ней или же анализировать ее логические следствия» [5, с. 298]. Смех становится препятствием на пути полного понимания, которое способно разрушить границы личности. Это не радость, и не веселье, а средство снятия напряженности при боязни понять другого до конца.

В течение ряда лет мною проводились психолингвистические эксперименты по описанию репродукций известных картин, а также по пересказу изучаемых в школе художественных текстов (в первую очередь, «Муму» И. Тургенева). Примечательно, что в ходе пересказа информанты, как правило, смеялись, рассказывая о немоте Герасима и гибели Муму: «он говорить не мог (смех)», «А он избавиться от нее не мог, просто так сказать ей: “Муму, уходи!” (смех). Потому что он говорить не мог (смех)», «трагически все так заканчивается (смех)», «и пошла камнем ко дну (смех)», «и она утонула (со смехом комментирует): язвительный смех».

Представляется, что данный смех идентичен смеху при виде падающего человека: неожиданная дисгармония ситуации, с одной стороны, и боязнь уронить свой социальный статус (что может проявиться при выражении сочувствия, то есть в стремлении понять, отождествиться с неудачей, несчастьем, слезами), с другой, требует немедленного разрешения. Смех – самый простой выход. Это своего рода отталкивание, «переход на другую сторону», что, по мнению психологов, очень тонко чувствуют влюбленные: смех в моменты наибольшей близости разрушает самые сильные эмоции, убивает любовь (см.: [8]).

Примечательно, что Иисус Христос, согласно Библии, никогда не смеялся, ибо он любил и не боялся быть самим собой.

Моменты истинной любви, вызванные абсолютным пониманием, как и мгновения острого счастья, при направленности сознания на объект переживания – будь то личность самого говорящего, собеседника или окружающий мир – делают нерелевантными и смех, и слезы. Так, футболист, забивший гол, ученый, решивший долго мучившую его проблему, юноша, подобно Л. Толстому и его герою Левину, осознавший, что испытываемое им чувство взаимно, – все они переживают состояние светлого оцепенения, а смеяться начинают только после того, как гармония разрушается недоверием, изумлением, боязнью неизбежности разрушения.

Смехом мы возвышаем себя над ошибками другого. Но смехом мы можем контролировать и свое собственное поведение. *Неадекватная*

номинация, не соответствующая реалиям, переживаемому образу, смешение близких по значению слов нередко вызывает рефлексивное посмеивание говорящего, когда человек как бы отстраняется от собственного дискурса. Например, «и пошел Герасим в... ну-у (со смехом) в кафе короче он пошел».

У носителей украинской лингвоментальности такой «автосмех» часто предшествует использованию штампов: «Ну він належав до... (смех) привілейованих верств населення», «Как об этом писала (смех) наша прогрессивная демократическая критика», «Герасим был счастлив с собачкой, но... (со смехом замедленно) есть на свете злые люди», «Но была у Герасима одна проблема (смех)».

Зная такие возможности смеха, можно достигнуть квазипонимания на игровом уровне. Если рефлексивная ориентация сознания говорящего позволяет при первых признаках смеха адресата (или даже превосходящего его) дистанцировать свое Я от порождаемого высказывания, возникает общий смех-симпатия, выравнивающий общее информационное поле диалога.

Приведем примеры из реальных спонтанных бесед.

1. *Глядя на женщину в черном берете,*

А.: Вон та, в черной панамке.

Б. (со смехом): Панамке!

А. (тоже начинает смеяться): Ну как его – беретке!

2. *Идет монтаж телеролика.*

А.: А где у нас биение зеркала?

Б. (со смехом): Да, биение зеркала, биение сердца! Осталась только пульсация!

А. (тоже начинает смеяться): А как? Битье?

Б.: Ну да, избиение зеркал!

А.: А как же надо?

Б.: Разбивание! (*Общий смех*).

Однако, рассказывая о недопонимании в общении, мы сами выступаем коммуникантами «второго уровня», и эмоционально-информационные сбои, переживаемые участниками описанного, смоделированного диалога, вовсе не обязательно вызывают ту же реакцию в ходе т. н. метадиалога автора и читателя, рассказчика и слушающего. В принципе здесь можно говорить об «эффекте сообщничества»: автор убежден в том, что читатель (слушатель) его полностью понимает. При полной погруженности в текст, действительно, осознание приближается к пониманию, и читатель не плачет и не смеется, а цепенеет от радости или горя. Любая неожиданность в дискурсе, невыполнение социальных ожиданий способна вызвать изумление и смех.

В качестве примера приведем реальный диалог, состоявшийся

между студенткой-иностранкой и преподавателем, зашедшим к ней в комнату общежития.

П.: Боже мой! Что это у вас?! Вы что – курите прямо в комнате?! А что это за молодые люди?!

С.: Не надо тут ля-ля, что вы хотели, пожалуйста?

В исходной коммуникативной ситуации студентка, избрав известной ей, общепринятый среди молодежи, лексикод, вовсе не планировала оскорбить преподавателя – пожилую женщину, которая, сохраняя конфронтативную позицию в общении, обиделась до слез. Никто не смеялся. В ситуации пересказа (коммуникативная ситуация второго уровня) у слушателей неизменно возникает смех, вызванный стилистически непредсказуемым ответом. «Смех цепко схватывает мысль и выводит абсурдность в четкий фокус» [5, с.: 298].

На этом принципе построено множество шуток, анекдотов, схема которых с учетом модулей понимания настолько прозрачна, что может быть воссоздана даже детьми. Так, например, школьники – члены одесской студии «Арт-форминг» с легкостью сочинили веселую сценку – аналог известного анекдота «про сало»:

На званом вечере тетушка говорит племяннику:

– Пригласи Розу танцевать.

– Да она не будет, тетушка.

– Ну ты попытайся. Видишь, все девушки танцуют, она одна стоит.

– Ну я же сказал, что она не будет танцевать.

Вмешивается сама Роза:

– А почему вы утверждаете, что я не буду? Я бы с удовольствием.

– А потому не будете, что кто же с таким страшилой захочет танцевать?

Внутри коммуникации первого уровня недопонимание возникает на основе неоднозначного употребления будущего времени: 1) осуществимость названного действия в будущем, 2) модальность желания осуществить данное действие (ср. известное всем с детства «Не буду есть манную кашу! = Не хочу есть манную кашу!»). Сами участники диалога, явно не симпатизирующие друг другу, не смеются. Смеемся мы, обнаруживая акт несоответствия значений, нарушение единства логики разговора, ошибочность выдвигаемой нами гипотезы относительно разворачивания беседы.

Смех в коммуникациях второго уровня часто возникает в результате явной неналожимости модельного мира, наблюдаемых фактов и языковой личности интерпретатора. Многие из полученных спонтанных текстов вызывают смех из-за абсурдных (для нас) попыток втиснуть когнитивную систему автора в привычные для рассказчика (ахроничные и стилистически маркированные) клише упрощенных референционных

сетей и ущербного опыта. Например, глядя на портрет М. Лопухиной работы И. Боровиковского, школьник сообщил, что «это, видно, приличная женщина, слушается старших», один из студентов увидел на картине «Сватовство майора» П. Федотова сцену венчания в церкви, а другой – русского царя из эпохи Древней Руси (!). Студенты вузов, представители разных профессий вдохновенно рассказывали:

«В одном городе стояла большая усадьба», «и вот Муму приехал в город», «барыня являлась главной в доме», «пришел Герасим к водоему, взял напрокат лодку, нашел кирпич...», «барыня привезла Герасима в Москву, назначила дворником и заставила подметать улицы», «Герасим кормил собачку, они вместе гуляли, играли», «но барыне это не понравилось, она все визжала, бегала», «барыня приказала продать собачку, и веденный приказ был исполнен», «и вот барыня заявила: “Все, Герасим, или я, или твоя собака!”» и т. д.

Недостаток исторических и вербальных (в том числе и стилистических) знаний вызывает «смех сквозь слезы», смех с оттенком превосходства и сожаления у тех, кто сам в состоянии приблизиться к пониманию исходных артефактов, кто знает, в частности, что в церкви не накрывают на стол и не бегают простоволосые девушки, что Муму – это кличка собаки, а не прозвище героя и что крепостной не мог взять напрокат лодку. Недопонимание на уровне метадиалога¹ доводит коммуникацию до полного абсурда.

Достижение понимания это многомерный процесс, до сих пор не постигнутый наукой (см.: [3; 4]), который точнее всего может быть определен метафорически как момент любви. Движение в этом направлении характеризует не только проникнутого состраданием (=симпатией) слушающего, не только следователя или психоаналитика, как утверждает В. Демьянков [2], но и самоуглубленного рассказчика при попытке вербализовать наиболее глубинные, выстраданные слои сознания [1], специалиста-текстолога, любого человека, чье сознание полностью растворяется в ситуации дискурса.

Так когнитивная проблема перерастает в морально-этическую: что лучше – постараться полюбить, растворить свое «Я» в объекте понимания, найти в себе силы уйти (физически или психологически) или продолжать смеяться и/или плакать, не понимая другого?

Возможно, в нашей ситуации социальной неопределенности полезно следовать принципу: если не можешь не замечать дисгармонии мира – попробуй полюбить, не можешь ни полюбить, ни отвернуться – смейся.

Примечания

¹Например, после доклада, где сообщались результаты этого исследования, ко мне подошла одна из слушательниц и сообщила, что я,

видимо, перепутала название картины П. Федотова, так как «Сватовство майора» не изображает церковь. Таким образом, рентабельность понимания (количество слов, необходимых для того, чтобы слушатель хотя бы в общих чертах разобрался, о чем идет речь) в публичном общении определяется «уровнем общности», сходством когнитивных структур и речевых установок коммуникантов.

1. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания.– Одесса: Астропринт, 1997.
2. Демьянков В. З. Недопонимание как нарушение социальных предписаний // Язык и социальное познание.– М.: Центр, совет философ. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990.
3. Кубрякова В. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов.– М.: Изд-во МГУ, 1996.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание.– М.: Изд-во МГУ, 1979.
5. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. XXIII.– М.: Прогресс, 1987.
6. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 тт.– Т. III.– М.: Художественная литература, 1990.
7. Сухарев В., Сухарев М. Психология народов и наций.– Д.: Сталкер, 1997.
8. Grotjahn M. Beyond laughter. Humor and the subconscious-ness.– New York–Toronto–London, 1966.